

Судя по газет.
"На Юго-Западе"

Театры энтузиастов

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

В Москве играют «Гамлета». На этот раз не в большом, бозом прозреватили на всю страну талантами театре, а на крошечной любительской сцене.

Не хочу впадать в преувеличение и утверждать, что из четырнадцати виденных мною в разные годы «Гамлетов» «Гамлет», сыгранный в Театре-студии на Юго-Западе, заслуживает, чтобы я поместил его среди лучших. Но знаю твердо: никогда не видел такого представления шекспировской трагедии, когда зрительный зал чувствовал бы: то, что было, продолжается сейчас, в нас. В открытой, доверительной диалогической атмосфере, когда зрительный зал чувствовал бы: то, что было, продолжается сейчас, в нас. В открытой, доверительной диалогической атмосфере, когда зрительный зал чувствовал бы: то, что было, продолжается сейчас, в нас. В открытой, доверительной диалогической атмосфере, когда зрительный зал чувствовал бы: то, что было, продолжается сейчас, в нас.

Сила Беляковича как режиссера состоит в том, что он превосходно понимает, знает своих актеров. И умеет взять от них то, что они могут дать, чтобы перед зрителем распахнулось духовное пространство шекспировской трагедии.

Оно и распахнулось. И нас втянуло в себя. Настолько властно и сильно, что исходная ситуация — Шекспира играют на любительской сцене — стала забываться. С нами ведь был сам Шекспир. Его мысли в его страданиях. Его театр.

Впрочем, так ли уж этот факт исключителен, единичен? В другом таком же крошечном театре, на другом конце Москвы, любители ин-

рают сейчас Достоевского. И не инсценировку какого-то романа, насыщенного действиями, организованного вокруг назлектризованной острейшей событиями фабулы, а первую часть «Записок из подполья». Заметьте: не вторую, где драматургический каркас прописан так отчетливо, что сам собой как бы образует законченную пьесу, а первую. Где в действиях-то никакого нет. Где звучит только один голос — голос «человека из подполья». Звучит его исповедь, его иступленный в напоевный злым страданием монолог.

Но в том-то и дело, что в тексте Достоевского С. Кургиян, поставивший спектакль в театре, который называется «На досках», отчетливо слышал не один, а несколько спорящих между собой голосов. Различил многие в разные урны, на которые выводит мысль писателя. То злобно пародующая саму себя, то как бы пугающаяся тех бездн, которые все снова и снова разворачиваются перед ней, то жарко алкая правды, страстно пробиваясь к ней через сумятицу противоречий, интеллектуальных вывертов, парадоксов, не поддающихся однозначной расшивке.

Ею, этой мыслью, только и движется спектакль в театре «На досках». В нем ничего не утверждается, ничто не застывает в неподвижности, а все подвергается сомнению. Проверке. Беспощадной и саркастической критике. Тут мысль если и восходит — на миг — к некоему, казалось бы, всезавершающему тезису, то только затем, чтобы тут же обнаружил внутри него новые противоречия.

Так спектакль становится по-настоящему полифоническим.

В нем гневно сталкиваются, борются разные голоса. И становится ясно: «человеку из подполья» не на чем закрепиться. И не на чем остановиться. Он весь соткан из противоречий, для которых нет и не может быть примиряющего синтеза.

И такого, так прочитанного Достоевского нам тоже показывали любители!

Так что же, собственно, происходит? С чем, с какими культурным, художественным явлением нас свела жизнь?

Шекспир. Достоевский. Гоголь (в Театре на Юго-Западе играют и «Ревизора», и «Женитьбу», и «Игроков»). Карамзин (его «Бедную Лизу» с изысканным юмором и стилистическим изяществом сыграли в руководимой М. Розовским студии «У Накитских ворот»), Чехов. Из современников — Белов («Воспитание по доктору Споку» в театре «На досках»). Бондарев («Взвешивая» в студии на Юго-Западе, там же «Кабала святош» Булгакова). Шукшин (в театре «На досках», и на Юго-Западе). Из зарубежных авторов — Сатре, Ионеско, Олби, Шеллерер, Ануи, Р. Бах. Что ни фамилия, то новая сценическая проблема! Трудная, не всякому театру подвластная.

А ведь есть еще студии «На улице Чехова», «На Красной Пресне», «На Усачевке», есть народные театры при крупных московских домах культуры: метростроевцев, завода им. Ленинского комсомола. И у каждой — свой оригинальный репертуар. У каждой — своя история и, что особенно важно, своя творческая программа и свое художественное лицо.

Вот при группке московских драматургов в небольшой комнатке Вячеслав Спесивцев осуществил инсценировку романа В. Тихвицкого «Свет на горе». Он трактовал его как народную трагедию, — в мизансценах, столь же скульп-

турно вычеканенных, сколь и ярко эмоциональных, остро динамичных. Не все в этом спектакле удалось. Но одно очевидно в нем: яркая, смелая фантазия постановщика. Темперамент, изобретательность примененных им пластических решений. Умение использовать буквально каждый сантиметр пространства, а затем, когда сюжет этого требует, переключить действие и за окно, на улицу.

Но и это еще не все: любительские театры-студии работают, годами преодолевая подчас равнодушие, а то и сопротивление бюрократов и перестраховщиков, во многих родах: в Ленинграде, Челябинске, Воронеже, Иваново, Ташкенте, Горьком. Снова называю только то, что знаю.

Знаю, что лет пока центра, который бы направлял любительское театральное движение, действительно помогало ему расти. Между тем интереснейшие искания ведутся по-прежнему, не только в столице. В Челябинске, к примеру, я видел в студии «Манекен», руководимой А. Морозовым, чеховский спектакль «Моя жизнь». Это не инсценировка одноименной повести, а как бы рассказ о жизни души самого Чехова. О его внутреннем мире, богатом, сложном.

...Есть такое вебрежное и едва ли не насмешливое слово: любительщина. С ним обычно связывают представление о спектаклях, где играют не профессионалы и где нет диалогизированных режиссеров и актеров. Но о какой любительщине можно говорить во всех приведенных мною случаях? Родимые пятна дилетантизма в спектаклях, о которых здесь шла речь, стерты, смыты. В них есть простота, есть слабые, как они есть во всех театрах и спектаклях, в том числе и отмеченных высочайшим профессионализмом. Но недостатки лучших студийных постановок все же не могут, не должны связываться с пред-

ставлением о пресловутой «любительщине». Да, в студиях Беляковича, Кургияна, Морозова, Розовского, Спесивцева, Щененко мы являлись на сцене не «настоящими актерами», а инженерами, шоферами, библиотекарями, научными работниками, врачами, студентами вузов, монтажниками, строителями, подполковниками, отставными студентами у улицы... Но как серьезно, как значительно то, что они делают!

Думается, надо бы собрать всем, кто к студийному движению имеет отношение: представителям министерств культуры, ВЦСПС, комсомола. И поговорить на этой встрече — по-деловому, обстоятельно — о нуждах движения и о его перспективах.

Известно, что из недр студий выдвигаются вполне деловые, практические предложения и планы. Есть, например, замысел внести в студийное движение принцип хозяйственного подряда. Очень разумная и многое обобщающая идея! Выдвигнутая студиями «На досках», «У Накитских ворот», «На Юго-Западе», она сейчас внимательно, с пониманием и сочувствием обсуждается в тех районах, на территории которых эти студии расположены. Но дело это не «мировое», только для того или иного района актуально. Чтобы решить эти вопросы, нужно подключать к ним ряд ведомств. А на таких уровнях проблема еще не обсуждалась.

Вот уже второй раз Олег Табаков выступил в этом году в ГИТИСе курс, который для того и готовился, так педагогически ставился, чтобы развиться в театр. Курс этот показал москвичам спектакли, вызвавшие большой общественный резонанс. Если бы новый театр был создан, к Табакову, надо думать, вернулся бы и многие его воспитанники первого выпуска. И получил бы жизнь новый театральный организм, выросший

из одного корня, объединенный подлинным внутренним единством. Почему же так медлят и в этом году с оформлением курса табаковцев в студию?

С любительскими студиями, статус которых тоже надо установить на неких прочных основаниях, связаны многие организационные проблемы. Прежде всего проблема обеспечения их постоянными помещениями. Сейчас свое не ахти какое, но постоянное и надежное помещение имеет только студия на Юго-Западе, которой руководит В. Белякович. Руководит вот уже семнадцать лет! А челябинский «Манекен» живет уже 23 года. Целая череда лет за спиной и у многих других студий. Значит, вначале, на которых эти студии некогда возникли, уже прошла самое трудное испытание, какое только может быть: испытание временем.

Сейчас в этих коллективах выросли, окрепли свои постоянно работающие ансамбли исполнителей. Теперь это уже не обычные кружки любителей, а настоящие маленькие труппы. Делом доказавшие право и на свое место на театральном афише города, и на свой самостоятельный бюджет. Словом, на то, чтобы для них были созданы возможности вести работу дальше уверенно, с перспективой на годы и годы.

Ведь то студийное движение, которое образовало сейчас — по сути — целый пласт культуры, возникло не по чей-то подсказке, а само собой. По логике культурного, художественного развития, присутствующего именно советскому обществу.

Любительские студии превратились в коллективы художников, уже сейчас вносящих свою немалую лепту в театральное искусство страны, в общее культурное строительство.

Е. СУРКОВ.
Заслуженный деятель искусств РСФСР.